

Alain de Benoist : La mondialisation

Сегодня все говорят о мондиализации – главном явлении нашего времени, и придают ему тем большее значение, что воспринимают его, в основном, как фатальность. Кажется, что, на самом деле, этот процесс взял на себя роль движения, изменяющего мир, которое неподвластно больше никому. Своего рода грозовой вал, необратимо надвигающийся на горизонте, по меньшей мере, еще для нескольких поколений. Англо - саксы предпочитают говорить о «глобализации». Небезынтересно заметить, что понятие глобализации было введено в употребление по ту сторону Атлантики специалистами по стратегии развития массовых рынков, которые, начиная с 1980 годов, стали говорить о «глобальном продукте» или о «глобальной коммуникации» в связи с принципом, согласно которому один и тот же продукт должен, благодаря одной и той же рекламе, достичь за самое короткое время наибольшего числа потенциальных клиентов не через свою адаптацию к разным культурам, а путем продвижения глобальной культуры.

Но что следует понимать под «мондиализацией»? Несмотря на большое количество литературы, посвященной этой теме в последние годы, понятие остается по-прежнему неясным. Для одних, мондиализация – это, прежде всего, процесс выхода за пределы Государства - нации. Для других – она определяет новый тип противостояния труда и капитала, вызванного монетизацией капитала, или же, она отражает новое разделение между квалифицированным и неквалифицированным трудом. Кто-то видит в ней вторжение в международные политические и торговые отношения новых участников, пришедших с юга (так называемые «восходящие силы» “*puissances émergentes*”), как и стратегию глобализации мультинациональных компаний; кто-то делает акцент на расширении внешней торговли в результате вовлечения услуг в мировую торговлю, или на огромные изменения, вызванные информационной революцией. Чем же она является на самом деле?

Я думаю, что, прежде всего, нужно различать с одной стороны культурную мондиализацию и, с другой, мондиализацию экономическую и финансовую. Эти два явления в основном совпадают, но не являются идентичными.

Одной из наиболее явных черт экономической мондиализации является взрывной рост международной торговли и финансовых потоков. Международный товарооборот растет сегодня гораздо быстрее, чем внутренний продукт (ВВП). В 1990 г. доля международной торговли уже составляла 15 % от мирового ВВП. Всего за пять лет, с 1985 по 1990 гг. мировой экспорт вырос на 13,9 %. Между 1960 и 1989 годами товарообмен удвоился, а потоки капиталов возросли в четыре раза. В то же время изменилась и природа финансовых потоков: продолжающееся развитие прямых инвестиций за рубежом сопровождалось резким ростом краткосрочных капиталовложений. Прямые инвестиции также растут быстрее, чем уровень мирового богатства: их годовые темпы роста превысили 15 % между 1970 и 1985 гг., 28 % между 1985 и 1990 гг., период, за который они увеличились в объеме в четыре раза, то есть, с 43 миллиарда долларов в 1985 г. и, соответственно, до 167 миллиардов в 1990 г. Мы, таким образом, действительно присутствуем при появлении глобальной экономики с возрастающей долей валового национального продукта, напрямую зависящего от внешней торговли и потоков международных капиталов.

Другая важная характеристика – это, естественно, все возрастающая роль информатики и электроники. Снижая издержки по заключению отдаленных сделок и позволяя «в реальном времени» в любой точке мира располагать информацией, влияющей на формирование цен (раньше требовались недели, чтобы эта информация дошла лишь до некоторых финансовых центров), новые информационные и коммуникационные технологии отныне обеспечивают беспрецедентную мобильность финансовых потоков. В биржевой сети солнце не заходит никогда. Капиталы движутся в ней со скоростью света с одного конца планеты на другой в поисках наиболее высокой отдачи от вложений. Таким образом, финансовая глобализация особенно важна: рынок капиталов на самом деле является единственным, где мгновенное извлечение дохода от разницы биржевых курсов имеет смысл.

Благодаря этой мгновенной мобильности, ставшей возможной благодаря информационным межсоединениям, рост операций на валютном рынке достиг фантастических размеров. Сегодня он составляет более 1200 млрд. долларов США в день! Источником этих сумм являются и банковские счета, и средства транснациональных корпораций, и масса свободных капиталов, как и средства финансовых компаний, зарезервированные специально для такого рода операций. Система зиждется на разнице обменных и изменениях биржевых курсов, которая может в течение дня и даже часа обеспечивать получение значительных доходов от прибылей, намного превосходящих

прибыли, получаемые в результате классической промышленной или торговой деятельности. Информатизация позволяет осуществить в зависимости от ожидаемых валютных курсов мгновенное виртуальное перемещение значительных масс капиталов, которые практически минуют центральные банки. Совершенно справедливо говорили об «экономике казино» или еще о «турбокапитализме», чтобы обозначить этот феномен, который не остался далеко в стороне и от мирового финансового кризиса, зародившегося в США осенью 2008 г. Его последствием стали усиление нестабильности валют и тенденция к равнению процентных ставок на уровень повышенной доходности, что ведет к всеобщему искусственному завышению стоимости (валоризации) капитала.

Ряд авторов относят возникновение мондиализации к началу 1970-х годов, особенно отмеченные двойным нефтяным шоком и кризисом международной валютной системы. Именно в этот период мы действительно наблюдаем падение производительности труда и темпов роста в промышленных странах, постепенное перенасыщение рынка классических товаров длительного пользования; возобновление этих явлений становится важной составляющей утяжеления внешнего долга, тогда как отказ от фиксированных курсов валют и взрывной рост дефицита американских платежей приводят к умножению чисто спекулятивных финансовых продуктов

Процесс продолжился в 80-е годы с бурным ростом государственного долга, что благоприятствовало развитию широкого рынка капиталов, и, особенно, с волной ослабления регулирования, которая, выйдя из рейгановской Америки, быстро распространилась на все развитые страны. Государства начинают отступать перед силой динамики финансовой интеграции принятием «трех Д»¹: ослаблением барьеров, посредничества и государственного регулирования (де – отмена, ослабление), что, полностью либерализуя рынок капиталов, позволяет получать доходы от разницы биржевых курсов в общемировом масштабе и открывает доступ к рынку государственных облигаций и долговых обязательств больших компаний для иностранных операторов. Параллельно, в ходе 1990-х годов практически неожиданное исчезновение советской системы и резкий переход бывших коммунистических стран к системе дикого капитализма выразилось в появлении на мировом рынке более 2,5 миллиардов дополнительных человек, создавая еще и иллюзию единой планеты, на которой отныне будет существовать лишь единственный блок.

¹ les « trois D » du décloisonnement, de la désintermédiation et de la déréglementation.

Однако, эта серия событий требует рассмотрения с позиций более отдаленного прошлого. Мондиализация вовсе не представляет собой ни аномального отклонения капиталистической системы, ни радикального новшества, то есть, не может рассматриваться как результат некоего заговора, мондиализация, на самом деле, вписывается в прямую линию многовековой истории развития капитализма, присущего самой его природе. «Тенденция к созданию мирового рынка входит в самое понятие капитал», – заметил Карл Маркс еще в конце XIX-го века.

Филипп Энгельгард (Philippe Engelhard) не ошибался, написав, что «мондиализация, без сомнения, лишь последний отзвук взрыва западной современности». Действительно, мондиализация венчает целую серию исторических метаморфоз, которые задавали ритм товарной экономике на протяжении всей истории ее развития, экономике, организованной с момента своего зарождения на базе товарных обменов в атмосфере индивидуализма, определяемого метафизикой субъективного и идеей материального успеха как наивысшего блага. Она начинается с ростом торговли с заморскими странами в эпоху итальянских городов-государств в XIV веке. Она продолжилась с «великими открытиями» и промышленной революцией, затем с колонизацией. Между 1860 и 1873 гг. Англии удается создать ядро мировой торговой системы. В июле 1885г. Жюль Ферри объявляет палате депутатов о том, что «создание колонии – это создание рынка». Содействуя распаду культур и традиционных общин Африки и Азии, колонизация способствует проникновению в них западных продуктов и открывает новые точки торговли, вводя в практику правило использовать их до тех пор, пока они не потеряют своей рентабельности, то есть до тех пор, пока она не станут обходиться дороже того, что они приносили в начале.

Институт рынка исторически неотделим от широкого движения интернационализации торговли. Согласно классической экономической теории, каковой она оформилась в XVIII веке, свободное перемещение товаров и услуг должно приводить к выравниванию производительных систем и уровней жизни. Так, капитализм проявил себя как кочевник с самого своего зарождения. Как отметил Жак Адда, мондиализация лишь восстанавливает в капитализме его первоначальную миссию, в большей степени транснациональную, чем интернациональную, которая заключается в том, чтобы «обмануть» как границы, так и государства, как традиции, так и нации с тем, чтобы их было бы проще подчинить единой системе ценностей.

При этом бесспорно, что мондиализация является во многих отношениях лишь резким ускорением единого исторического процесса, но также очевидно, что она обладает рядом новых качеств, которые мы кратко рассмотрим ниже.

Кроме информационной революции, о которой я уже говорил, и того факта, что в международной торговле промышленные товары отныне преобладают над сырьем, необходимо, во-первых, отметить приобретение финансовой сферой исключительной самостоятельности по отношению к собственно экономическому производству. Значительное ослабление биржевого регулирования 1980-х годов на самом деле осветило приход капитализма, который в основном уже был не промышленным а спекулятивным. . Денежная масса, находящаяся сегодня в мировом обращении, в 15 раз превосходит стоимость реального производства. Этот финансовый «ком» включает в себя как средства частного сектора, так и средства из государственной и социальной экономик, идет ли речь об управлении государственным долгом государств или пенсионных фондах. Она просто навязывает спекулятивную, можно сказать, преступную логику своего функционирования: наркобизнес и коррупция становятся элементами организации нового экономического порядка.

Еще один новый факт: всеобщая товаризация. Сегодня торговые сделки распространяются и на сектора, которые до сего момента оставались, в основном, в стороне. Культура, искусство, спортивные соревнования, услуги, природные ресурсы, интеллектуальная собственность переходят в область свободной торговли. Рыночная игра заключается в трансформации любого объекта в валюту. То, что входит в эту систему живым организмом, выходит товаром, мертвым продуктом.

Но главное, изменились участники. Вчера этими участниками были, в первую очередь, все государства. Сегодня в инвестировании и торговле доминируют транснациональные и мультинациональные компании, при этом финансовые рынки навязывают свои правила игры, а банки делят между собой финансовый сектор, все более и более оторванный от реальной экономики. Сегодня мы переходим из мира, организованного вокруг Государств-наций к «Экономике - мир», организованной глобальными участниками.

Это, естественно, существенное изменение. Еще несколько десятилетий назад национальные Государства образовывали естественные политические и социальные рамки управления национальными производительными системами. Внутрикапиталистическая конкуренция осуществлялась, главным образом, между государствами. Главной чертой

капиталистической системы была ее территориализация, то есть укоренение внутри границ промышленного государства. Рынок тоже, даже в период своего расширения, оставался прежде всего, национальным. Даже предприятия, имеющие филиалы за границей, следовали стратегии базирования материнской компании внутри Государства-нации. Экономика и политика, таким образом, в основном совпадали, что определяло важность экономической политики, проводимой государством. Наконец, «третий мир» тогда еще не вошел в промышленную систему, поэтому и существовал такой яркий контраст между крупными промышленными центрами и периферией.

Сегодня мировое объединение капитала разрушило национальные производительные системы и запустило их воспроизводство уже в качестве сегментов глобальной производственной системы. Различные компоненты производства рассеиваются отныне в некоем космическом пространстве, отдаленные от географического места происхождения предприятия и иногда даже независимые от его финансового контроля. Товары состоят из технологических компонентов столь разнообразного происхождения, что больше уже невозможно определить ни отдельный вклад каждого государства, ни трудовые силы, задействованные в производстве. Роберт Райх отмечает, например, что когда американец покупает у General Motors автомобиль за 20 000 долларов, из этой вложенной им суммы американскому производителю возвращается менее 800 долларов. Мондиализация, таким образом, реорганизует мировое пространство, что характеризуется, прежде всего, общей детерриториализацией капитала. Мы переходим таким путем от «пространства мест» к «пространству потоков», то есть от территории к сети. Сеть больше не соотносится ни с какой территорией, но вписывается в мировой рынок, освобождаясь от каких бы то ни было политико-государственных обязательств. Впервые в истории экономическое и политическое пространства разделяются. Это одна из наиболее существенных характеристик мондиализации.

Только что я упоминал транснациональные компании. Появление промышленных фирм, способных изначально планировать свое развитие в мировом масштабе и реализовывать совместные мировые стратегии, является еще одной чертой глобализации. Мультинациональными компаниями являются предприятия, которые реализуют более половины своего оборота за рубежом. В 1970 году их насчитывалось 7.000. Сегодня их 40.000, они контролируют 206.000 дочерних предприятий, при этом, в них работает всего лишь 3 процента мирового населения (то есть 73 миллиона человек). Чтобы представить их мощь и значение, достаточно сказать, что с 1991 г. оборот этих предприятий превысил мировой экспорт товаров и услуг (то есть 4.800 млрд. долларов), что они

контролируют напрямую или опосредованно треть мирового дохода, и, что 200 наиболее влиятельных из них монополизируют, только они, четверть экономической деятельности планеты. Отметим также, что теперь около 33 процентов мировой торговли осуществляется между филиалами одной и той же компании, а не между разными предприятиями. Эти компании-сети располагают настолько колоссальными ресурсами, что это превосходит всякое воображение. Годовой оборот General Motors (177,2 млрд. Долларов в 2001 году) превосходит ВВП Индонезии, Форда (177,2 млрд. долларов) превышает ВВП Турции, Тойоты – ВВП Португалии, Унилевера (Unilever) ВВП Пакистана, Нестле – ВВП Египта. Первая американская компания – торговая сеть Wal-Mart (219,8 миллиардов долларов объема продаж, 1,3 миллиона рабочих мест) чья стоимость акций на бирже возросла более чем на 400 процентов за последние пять лет, в 2001 году, зарегистрировала 6,67 миллиардов долларов прибыли.

Эти компании, чье национальное происхождение является лишь чистой формальностью, давно научились подменять цели получения минимальной рентабельности целями достижения максимальных финансовых прибылей, к каким бы социальным последствиям это не приводило. Менее озабоченные производством, чем контролем рынков и патентов, прежде всего это финансовые группы, которые размещают основную часть своих прибылей в валюты или их производные, вместо того, чтобы инвестировать эти средства в деятельность, являющуюся источником создания рабочих мест. Будучи богаче, чем Государства, им не составляет труда кроме всего прочего покупать политиков, коррумпируют чиновников или государственные структуры.

Чтобы справиться с конкуренцией транснациональные компании разработали также новую стратегию. Прибыли, получаемые от производственной деятельности, не находя больше достаточного применения в классических инвестициях, нуждались в поиске иных рынков для размещения излишков свободных капиталов, чтобы избежать их резкого и массивного обесценивания, как это произошло в 1930 году. Борьба за доли рынка подтолкнула компании включить в мировые трудовые ресурсы малоквалифицированную и низкооплачиваемую рабочую силу в целях получения абсолютного преимущества по себестоимости. Если раньше западные страны довольствовались эксплуатацией внутреннего рынка южных стран, переводя свои ремесленные производства в их собственную промышленность, сейчас мультинациональные фирмы стремятся реэкспортировать на западные рынки товары, собранные или произведенные в этих местах по низкой стоимости. Так, мондиализация оперирует, репатрируя часть экономической деятельности в Южные страны путем реорганизации производственного цикла на мировом

уровне и мобилизации местной рабочей силы, преобразованной в наемный труд. Это процесс, называемый делокализацией, ставший всеобщим с 1980-х годов, и который поставил перед конкуренцией на демпинговых условиях наемных рабочих западных стран с рабочей силой ряда стран Третьего мира, представляет собой не что иное как распространение (реорганизацию) наемных трудовых отношений в мировом масштабе, то есть шагом к созданию мирового рынка труда. Разумеется, в этой перспективе необходима свобода движения капиталов, для того, чтобы перекачивать прибыли в центры принятия решений, которые используют их, двойным результатом этого являются снижение возможности для местного накопления, рост безработицы в западных странах и ограничение роста покупательной способности.

Одновременно мы являемся свидетелями вторжения в мировую торговлю новых действующих лиц, вышедших из Азии, в меньшей степени, из Латинской Америки и бывшей советской империи. Это все еще новый факт. В прошлом различие в цене наемного труда между Севером и Югом сопровождалось, как правило, различием в производительности и качестве товаров. Возникновение новых индустриальных стран (НИС) и появление транснациональных компаний в ряде Южных стран в корне изменили ситуацию. В 1995 году доход на душу населения в Сингапуре превзошел этот показатель во Франции. И ясно, что этот процесс будет только набирать силу.

Отметим в этой связи, что «азиатское чудо» уходит корнями в специфическую культурную ткань, где свое место занимает и национализм, будь это Япония, Китай, Корея или Сингапур. Оно объясняется, кроме всего, волюнтаризмом, заданностью направленности промышленной политики этих стран, которая была далека от равнения на теорию сравнительных преимуществ, что заставило бы их специализироваться, не беспокоясь о реальном спросе, на производстве, в котором они достигли наиболее низкой относительной себестоимости, напротив, она была сориентирована преимущественно на производство, пользующееся высоким спросом в мировом масштабе.

Мондиализация, разумеется, видоизменяет конкуренцию между нациями, поскольку, как только предприятия и капиталы могут свободно перемещаться в мировом пространстве, конкурентоспособность национальных предприятий перестает автоматически совпадать с конкурентоспособностью наций. Нет более никаких причин для того, чтобы транснациональное пространство, в котором развиваются крупные фирмы, совпадало с оптимальной организацией национальных пространств. Положение страны в мире определяется теперь только лишь уровнем возможности ее товаров конкурировать на

мировом рынке, поскольку место ее предпринимателей на этом рынке зависит от наилучшего соотношения доходность/риск или прибыль/себестоимость. Можно сказать, что в условиях, когда нации являются лишь точками в пространстве производств больших компаний, уже само определение понятия сравнительных преимуществ становится устаревшим.

У государств не остается иного средства, как только обратиться к политике чистой конкурентоспособности в ущерб требованиям социальной солидарности. Что и произошло в Европе, начиная с 80-х годов, сначала под влиянием либеральных теорий, введенных в жизнь Рейганом в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании, затем под воздействием «критериев сближения» маастрихтского договора. Это приспособление к требованиям мондиализации приняло всем нам известные формы: ослабление регулирования, всеобщая либерализация, преимущество, даваемое экспорту над внутренним потреблением, приватизация государственных предприятий, открытость для международного инвестирования, диктат мирового рынка на уровне цен и заработной платы, постепенное сокращение выплат и субвенций, в том числе расходов, отрицательно влияющих на конкурентоспособность товаров, таких, как например, расходы на образование, социальную защиту и защиту окружающей среды. Одно за другим европейские государства приняли политику, наиболее ярким результатом которой стало замедление (иногда прекращение) экономического роста и рост безработицы, в то же время финансовые капиталы, облагаемые меньше, чем доходы от трудовой деятельности, участвовали все меньше и меньше в накладных коллективных расходах.

Долговой кризис в это же время заставил страны третьего мира осуществить подобный поворот: программы структурной перестройки, требуемые МВФ и Всемирным банком, привели многих из них к применению тех же рецептов, что и в промышленно развитых странах, с еще более катастрофичными результатами.

Международные организации были, тем самым, снабжены инструментами для служения мондиализации. Роль Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка заключается в навязывании ослабления регулирования и подчинении национальных экономик безусловному требованию обслуживания государственного долга, совершенно особенная роль, данная организациям, призванным осуществлять надзор за мировой торговлей.

В прошлом торговые переговоры между государствами касались небольшого круга практических государственных вопросов, таких как квоты на импорт, таможенные тарифы, контроль за движением капиталов и так далее. Сегодня задачи торговой дипломатии простираются далеко за решение вопросов о границах. Переговоры теперь касаются внутренних структур стран: структуры их банковской системы, их положений о правах на частную собственность, их социального законодательства, регулирования конкуренции, рыночной концентрации или промышленной собственности и т.д. Подоплекой этих переговоров является то, что международная торговля должна объединять страны, обладающие более или менее одинаковыми институтами, обеспечить их движение в сторону единых режимов собственности и единообразия их регулирования, чаще всего равняясь на американское законодательство, для того, чтобы снизить неопределенность и риски при прямом инвестировании за рубеж. Рыночная власть транснациональных компаний, тем самым, оказывается укрепленной, компании - получают новые возможности оказывать давление, что позволяет им требовать желаемой организации регламентации, оплаты труда или налогообложения для повышения их рентабельности и конкурентоспособности. В конечном счете, «путем все возрастающего числа местных и международных переговоров предприятия сталкиваются с требованием изменения своих правил и внутренних институтов, чтобы соответствовать некоей модели, навязанной извне».

Положения ГАИИ и Всемирной торговой организации (ВТО) выходят далеко за рамки традиционных задач соглашений о свободе торговли. Их цель, прежде всего, - способствовать неограниченной мобильности капитала. Достигнутые ими соглашения являются не столько соглашениями о свободе торговли, сколько соглашениями о свободном перемещении капиталов, преследующими установление новых прав на международную собственность для зарубежных инвестиций и введение новых ограничений на государственное и правительственное регулирование. Как писал Ян Робинсон, «соглашения о свободном движении капиталов могут рассматриваться как инструменты, которые под предлогом уменьшения препятствий для торговли искажают или позволяют пересматривать законы, политики и практики, встающие на пути экономики планетарного рынка».

И, наконец другое новшество, не менее важное, поскольку именно оно позволяет понять природу культурной мондиализации: капитализм больше не продает, как раньше, просто товары и услуги. Он продает также знаки, звуки, картинки, программное обеспечение, связь, подсоединение. Он не только меблирует дома, он колонизирует воображение и господствует в коммуникации. Тогда как в 60-е годы общество потребления

еще питалось идентифицируемыми материальными благами, автомобилями, бытовой техникой и так далее., система, которую Бенжамин Барбер предложил вот уже несколько лет назад называть «МакВорлд» (McWorld) – как «Макинтош» и «Макдональд» – представляет собой в основном виртуальный мир, ставший результатом интенсификации всякого рода транснациональных потоков, которые сходятся для того, чтобы создавать все большую унификацию образов жизни. «Основами системы McWorld, уточняет Барбер, являются теперь не автомобили, а парк аттракционов «Евродисней», музыкальный канал МТВ, голливудские фильмы, компьютерные программы. Словом, концепции и образы объектов как объекты» (12).

Эта всеобщая товаризация устанавливает рекламно-зрелищное потребление как единственную форму социальной интеграции, усугубляя чувство исключенности и приступы враждебности у тех, у кого нет доступа к нему. Она содействует при помощи потока универсальных образов и звуков униформизации, уже и так проникшей в жизнь, стиранию различий и особенностей, обезличиванию поведения и позиций, искоренению коллективной идентичности и традиционных культур.

Таким образом, не нужно путать мондиализацию с простой интернационализацией, системой, которая была создана и организована государствами, чтобы определить формы их международных отношений. Ее можно определить, скорее, как переход от международной экономики, задуманной как агрегат национальной и локальной экономик, различающимися между собой принципами своего функционирования и регулирования, к действительно планетарной рыночной экономике, управляемой системой единых правил в смысле, в котором ее понимал Карл Поляный (Karl Polanyi). Она представляет собой «растущую взаимозависимость, объединяющую между собой все компоненты нашего мирового пространства для того, чтобы привести их ко все более и более требовательным единообразию и интеграции». Те, кто управляет ею, являются новыми надгосударственными и наднациональными действующими лицами, стремящимися лишь к максимизации своей прибыли и дивидендов, планируя и оптимизируя планетарную организацию своей деятельности и устраняя все, что может стать препятствием к свободе их действий. Эти новые действующие лица, которые с каждым днем все больше усиливают свою автономию, сами являются все более и более взаимозависимыми друг и уже готовыми образовать единственный и огромный торговый организм.

*

Поняв истинную природу экономической и финансовой глобализации, достаточно легко можно увидеть их последствия. Первое – это, разумеется, трагическое усугубление экономического неравенства. Уже Гегель говорил о том, что богатые сообщества недостаточно богаты для того, чтобы устранить рост бедности, который они же и порождают. Сегодня бедность является результатом не недостатка, а неравномерности распределения произведенного богатства, а также психологической и культурной блокировок, исключающих возврат к сообществам, организованным преимущественно вокруг труда и капитала.

Между 1975 и 1985 гг. объем валового мирового продукта увеличился на 40%, с 1950 года мировой товарооборот вырос в 11 раз, экономической рост – в пять. Хотя при этом, в тот же период наблюдался не регулярный рост среднего уровня жизни, а беспрецедентное увеличение бедности, безработицы, распада социальных связей и разрушения окружающей среды. Реальный внутренний валовой продукт на душу населения в южных странах составляет всего 17 процентов от ВВП на душу населения северных стран. Промышленные страны, которые включают в себя лишь четверть человечества, обладают 85% мирового богатства. Страны, члены большой двадцатки, представляют 13 процентов мирового населения, но владеют двумя третями мирового ВВП. Один лишь город Нью-Йорк потребляет больше электроэнергии, чем вся южная часть Африки. В период между 1975 и 1995 годом уровень американского богатства вырос на 60 процентов, но получил его лишь 1 процента населения. Последний красноречивый показатель: богатство 358 миллиардеров, насчитывающихся сегодня на планете, превышает годовой аккумулированный доход 2,3 миллиардов наиболее бедных, которые составляют примерно половину всего человечества. Таким образом, мы видим, что чем больше богатых, тем больше бедных, что разрушает либеральную теорию, согласно которой, все общество в конечном счете выигрывает от прибылей наиболее богатых. В действительности, тем, что мондиализация возвращает рыночным силам практическую монополию, она способствует развитию неравенств и социальной изоляции, угрожая внутренней целостности сообществ.

Параллельно колониализм продолжается неофициально. Помощь странам третьего мира усовершенствовала технику заимствования и ростовщичества, сделав ее средством контроля. Всемирная торговая организация (ВТО) отныне предъявляет требования к Южным странам предоставить «национальный» режим для иностранных инвестиций, исключая для них все препятствия со стороны их трудового законодательства,

законодательства по здравоохранению и по охране окружающей среды. Так, повсюду, где были введены либеральные системы структурной реорганизации, результатом стали ухудшение жизненных условий для большинства населения и рост социальной нестабильности, который - по закону справедливости - в ответ провоцирует утечку капиталов, что раскрывает абсолютно паразитический характер этой системы. Что касается стран, которые отказываются удовлетворять эти требования, они просто-напросто оказываются вне системы, маргинализируются, игнорируются и, в конечном итоге, оказываются исключены из международной циркуляции.

Естественно, эти последствия ощущаются не только в странах Юга. На Севере мондиализация выражает себя в острой транснациональной конкуренции, которая через экспорт и прямые инвестиции, провоцирует настоящее расслоение труда и его оплаты. Всякий товар или услуга, произведенные на месте их потребления, но производство которых может стоить меньше в другом месте, становится уязвимыми по отношению к давлению капитала, стремящегося к снижению заработной платы и социальных отчислений, в то время, как, с обратной стороны, рост стоимости труда, связанный с дефицитом трудовых ресурсов и отчислениями, вызванными демографическим старением населения, вынуждает предпринимателей перемещать свою деятельность в страны с более дешевой и «гибкой» рабочей силой. Конкурентоспособные производства развивающихся стран, в особенности те, которые задействуют массовую неквалифицированную рабочую силу, оказавшуюся в ситуации, которая одновременно благоприятствует и их эксплуатации, и их развитию, постепенно забирают рабочие места в странах Севера, что способствует росту структурной безработицы. При отсутствии растущего рынка сбыта, фирмы, со своей стороны, могут достичь размеров, необходимых для выживания в условиях глобальных рынков, только лишь присоединяя к себе часть рынка, принадлежащую их конкурентам, и постоянно повышая свою конкурентоспособность, что находит выражение в непрекращающейся промышленной реструктуризации и в снижении численности персонала («*downsizing*»), ведущему к разрушительным социальным последствиям.

При этом, практика делокализации еще находится в самом своем начале. В 1990 году мануфактурно произведенные товары, экспортируемые новыми индустриальными странами Юго-восточной Азии в страны ОЭСР, составляли лишь 1,61 процента ВВП последнего. Но этот процесс будет только развиваться. Между 1970 и 1990 гг. доля участия развивающихся стран в торговле ОЭСР выросла с 0,70 процента до 6,44 процента. В таком темпе через 20 лет она может достичь 55 процентов.

Промышленная революция позволила интегрировать неквалифицированную рабочую силу в глобальное сообщество. В случае с мондиализацией, мы наблюдаем, напротив, систематическое исключение тех, кто не обладает необходимыми знаниями и умением. Именно здесь находится тот основополагающий разрыв со всей предшествующей историей развития капитализма, который заставляет пересмотреть все социальные достижения эпохи кейнсианского Государства - Покровителя.

Мондиализация наемного труда и финансовая глобализация объединяются, чтобы переломить ход социально - экономической политики, которая предшествовала десятилетиям подъема послевоенного периода. В период «славных тридцатых», который соответствует расцвету фордовской системы, капитализм должен был уживаться с социальными требованиями, выдвигаемыми в промышленных сообществах, как и с намерением государств заложить основу организации международной экономики. Государство – Покровитель стало результатом этого исторического компромисса между капиталом и трудом, то есть, приспособлением капитала к ряду социальных требований. Мондиализация нарушила этот общественный договор. Начиная с 1970 г. экономическое устройство капитализма стало расходиться с социальными требованиями, что привело к общему пересмотру иерархии между заработной платой и механизмами коллективной солидарности.

Это расхождение между экономикой и обществом шло в паре с разводом между Государством – Защитником и средним классом, за счет которого обеспечивался рост предыдущих десятилетий. При мондиализации мы наблюдаем появление модели общества, напоминающей песочные часы: когда подавляющее большинство населения все стремительнее скатывается вниз под воздействием нестабильности, деньги поляризуются в высших сферах, что становится началом распада среднего класса, то есть класса, «который капитализм первой половины 20 века не только породил, но и на чьей основе он построил свой процветание» (16). В эпоху «славных тридцатых» средний класс не прекращал объединяться, достигнув единения все более и более широких слоев населения, и, таким образом, относительного уменьшения неравенства. Именно эта модель среднего класса, призванная постепенно распространиться и на рабочий класс, что казалось необратимым, сегодня стоит под сомнением. Дети среднего класса находятся под угрозой быть деклассированными.

Результатом этого является существенное изменение классовых отношений и интересов внутри капиталистических стран. В ответ на разрушение среднего класса происходит

параллельное разрушение рабочего класса, который становится свидетелем пересмотра своих социальных завоеваний, но также и своих традиционных средств защиты: профсоюзы, больше не располагают, разумеется, по отношению к мультинациональным фирмам, имеющим обыкновение играть на разнице оплаты труда на мировом рынке, той силой давления, которой они располагают по отношению к государственной власти, с которой они и привыкли вести переговоры.

Эта эволюция равнозначна впечатляющей регрессии, поскольку она возвращает к восстановлению ситуации сверхэксплуатации, сравнимой с той, с которой вынуждено было бороться рабочее движение на заре промышленного капитализма. Карл Маркс, несмотря на свою более чем спорную философию истории, по крайней мере увидел, что страсть к наживе, которая является движущей силой капитализма, приводит к материализации человеческих отношений. По иронии истории именно в тот момент, когда советская коммунистическая система рухнула, его тезисы оказались в определенной своей части применимы в отношении принципа прибыльности, действуя без всяких оговорок, тогда как безработица и бедность становятся, как в XIX в., структурными характеристиками общества, в котором неуверенность в завтрашнем дне и изоляция растут с каждым днем, доходы от капитала беспрестанно растут в ущерб труду, а гарантии, полученные трудящимися после десятилетий борьбы, подвергаются пересмотру.

Еще одно последствие мондиализации, последнее из рассматриваемых нами сегодня, – возрастающее бессилие национальных государств. Под воздействием роста мобильности международного капитала, мондиализации рынков и интеграции экономик, правительства наблюдают, как их возможности макроэкономического воздействия снижаются на глазах. В денежно-кредитном плане их возможности принятия решений практически равны нулю, поскольку и процентные ставки и обменные курсы находятся теперь под властью независимых центральных банков, которые принимают свои решения в зависимости от рынков: если страна (или группа стран), решит снизить в одностороннем порядке процентные ставки, то она тотчас же столкнется с бегством капиталов в страны, предоставляющие возможности получения более значительных прибылей. В то же время возможности центральных банков мобилизации денежных средств стали ниже объема сделок: Национальный Банк Франции потерял в июле 1993 года все свои валютные резервы всего за один день спекулятивной атаки против франка. Что касается бюджетной сферы, и здесь государства чувствуют себя ограниченными в своей свободе из-за высокого государственного долга, который не оставляет никаких возможностей для несогласованных начинаний. Наконец, в сфере промышленной политики у правительств нет иной

возможности для противостояния конкуренции, как только пытаются привлечь иностранные компании за счет предоставления субвенций и льгот в налогообложении, что ставит их перед международными фирмами в позицию просителей.

Итак, они не могут удовлетвориться простым выходом за государственные границы. Как мы видели, они также воздействуют на законодательство, регламентирующее их операции. Слишком завышенные налоги или заработная плата, высокие требования к социальной организации труда, защите здоровья и окружающей среды толкают их к бегству. В результате, «всякая форма регулирования может стать жертвой давления падения рынка просто в силу того, что транснациональные компании видят в нем издержки» (17). Налоговая власть Государств больше не является независимой, она становится договорной из-за необходимости вступать в переговоры со все более и более блуждающим капиталом, и, в силу этого, обладающим все большими и большими возможностями навязывать свои условия. «Ни одно правительство, даже на севере, – разъясняет Эдвард Голдсмит, – больше не имеет возможностей осуществлять контроль над межнациональными компаниями. Если какой-либо закон мешает их экспансии, они угрожают уходом и могут сделать это немедленно. Они свободны, чтобы выбрать место в любой точке планеты с самой дешевой рабочей силой, самой незащищенной законом природной среды, наименее обременительным налоговым режимом, наиболее щедрыми субсидиями. Больше нет необходимости отождествлять себя с какой-либо нацией или позволить сентиментальным привязанностям препятствовать их планам. Они полностью находятся вне контроля» (18). «В конечном счете, – добавляет Жак Адда, – финансовая глобализация может рассматриваться как процесс обхождения правил, введенных наиболее развитыми государствами в рамках многосторонней системы регулирования мировой экономики» (19).

Экономика, находящаяся под воздействием процесса мондиализации, возлагает на национальные государства обязательства столь весомые, что те понемногу сдают в магазин аксессуаров все средства своей традиционной деятельности. Столкнувшись со все возрастающими трудностями контроля состояний они оказываются лишенными своего главного политического рычага: управления своей территорией. И, поскольку всякое бюджетное усилие в социальной сфере сказывается равнозначно на снижении потенциала их конкурентоспособности, они также больше не могут выполнять свою роль управления социальными гарантиями. Политики тогда становятся бессильными, а государство меняет свою природу. Из политического посредника, каковым оно было раньше, государство становится исполнителем простой роли территориального управления потоками, выходящими из его пределов. Низведенное до роли обозревателя, оно становится лишь «

своего рода регистратором, который регистрирует решения, принятые вовне» Таков принцип, который сегодня повсеместно называют «мировое управление».

Такое изменение является революционным в том смысле, что оно подрывает то, что было одной из основ современной политики: суверенитет Государств. Как пишет Бертран Бади: «мондиализация подрывает суверенность, дырявит границы территорий, дестабилизирует сложившиеся сообщества, бросает вызов социальным договоренностям и отменяет определенные принципы международной безопасности». Таким образом, суверенитет больше не является фундаментальной безоговорочной ценностью, как это было прежде, тогда как понятие вмешательства медленно, но верно меняет свое значение.» (21)

Но так же и, прежде всего, этому воздействию подвергаются демократические принципы. Законность, которую получают руководители, благодаря выбору народа, оказывается поставленной под вопрос с того момента, когда у них не остается больше средств быть посредником между требованиями капитала и потребностям общества. С другой стороны, свободное движение капитала также сужает поле демократического контроля над экономической и социальной политиками, поскольку эти политики зависят от внешних требований, от которых правительства больше не могут уклоняться, и поскольку мы находимся при передаче власти принятия решений в пользу актеров мировых экономик, которые не обязаны отчитываться ни перед кем. Гражданство становится бесполезным и лишенным смысла до такой степени, что возникает вопрос, что значит «прийти к власти» в подобном мире.

*

Мондиализация в своих изменениях простирается до нашего восприятия времени и пространства. Под спутниковой связью, охватывающей земную орбиту, под воздействием экономических империй, умножающих свои союзы и слияния, под влиянием глобальных «информационных магистралей», доставляющих до самых отдаленных уголков планеты такую же глобальную субкультуру, наша планета становится все меньше. Под господством монополий, которые, уменьшаясь в количестве, становятся все более мощными, пространство, в котором циркулируют товары, инвестиции и капиталы, постепенно унифицируется. С другой стороны, если до настоящего времени все общности жили одновременно во времени непрерывной последовательности моментов и непрерывной

длительности, то теперь это различие стирается. Научно-техническая революция «реального времени» (или «нулевого времени») ускоряет движение материальных и нематериальных потоков, не давая возможности ни определить ориентиры, ни увидеть перспективы. Эта сжатость времени наделяет реальным смыслом единственно лишь происходящее немедленно. Рене Шар говорил: «Устранение отдаленности убивает». Сближенность, созданная новыми коммуникационными технологиями, разрушает людей и вещи, смешивает формы и мгновения. Настал час «присутственности» («présentisme»): люди живут лишь настоящим моментом, не заботясь ни о прошлом, ни о будущем.

Так мы участвуем в пересмотре самой реальности. Сеть Интернет хороший тому пример. Когда классические средства массовой информации ограничиваются показом того, что происходит во внешнем мире, Интернет позволяет своим пользователям виртуально переноситься в него. Обитатель системы McWorld живет благодаря этому одновременно везде и нигде. Интернет освящает новый образ жизни, который можно назвать электронным кочевничеством, но который также является и электронным колониализмом; если его рассматривать с позиции Нельсона Талла (Nelson Thall), преемника Маршалла Маклюэна (Marshall McLuhan) из университета Торонто, то «в конечном итоге сила интернета состоит [...] в том, что он позволяет всему миру думать и писать, как североамериканцы».

В этих условиях не будет преувеличением сказать, что мондиализация, в определенной форме, ведет к отмене пространства и времени. Отмена времени является результатом того, что благодаря мгновенным информационным и коммуникационным техникам, все происходит и распространяется отныне за «время ноль»: одни и те же события (будь то зрелищный теракт или финал чемпионата мира по футболу) одновременно видят и переживают телезрители всей планеты, финансовые потоки передаются мгновенно с одного края Земли на другой и так далее. Что касается отмены пространства, оно связано с тем, что границы не останавливают практически больше ничего, таким образом, что больше ни одна территория не обладает центральностью.

В эпоху холодной войны существовала граница между коммунистическим миром и миром, который мы тогда смело называли «свободным». Сегодня больше нет разделительной линии. Информация, компьютерные программы, финансовые потоки, товары, сами люди передвигаются все более и более свободно из одной страны в другую и распределяются одновременно по всем странам. Внутри каждой страны различие между внутренним и внешним больше ничего не значит. Раньше, например, полиция отвечала за

поддержание внутреннего порядка, а армия – за внешние вмешательства. Примечательно, что полиция сегодня все чаще и чаще обращается к военным средствам, тогда как армия занимается, в основном, «операциями международной полиции». Мондиализация ставит, таким образом, свою подпись под появлением мира без внешнего. Неологизм «глобалитаризм» был изобретен для описания мира, за границами которого больше ничего нет, это глобальное господство, которое по своей природе не ограничено ничем.

Появление глобализации соответствует еще и концу нашей современности. Падение Берлинской стены, если взять всем понятный ориентир – не только обозначило конец послевоенной эпохи или конец 20-го века. Оно также обозначило вхождение в пост современность (post-modernité)

В мире постмодерна все политические формы, унаследованные от времени модерна, становятся неприменимыми. Политическая жизнь больше не сводится к борьбе партий. «Ленинская» модель, в которой партии старались прийти к власти, чтобы притворить в жизнь свою политическую программу, значительно устарела, поскольку возможности правительств в принятии решений сокращаются с каждым днем. Государства - нации теряют и свою роль центров и свою законность. Роль центра – поскольку теперь они стали слишком большими, чтобы отвечать на повседневные нужды людей, и в то же время слишком маленькими, чтобы противостоять планетарному размаху проблем и обязательств. Законность (легитимность) - поскольку, институциональные опоры интеграции, на которые они опирались раньше (школа, армия, профсоюзы, партии) один за другим вступили в кризис и больше не являются создателями социального. Социальная связь восстанавливается с этого момента обособленно от административной власти и государственных учреждений. Глобализация влечет за собой расторжение брака между знаком и смыслом, что выражается во всеобщей десимволизации политической жизни. Кризис политического представительства, рост неучастия во всеобщих выборах, расцвет популизма и новых социальных движений – являются другими характерными симптомами данной эволюции.

В мире постмодерна все политические формы, унаследованные от времени модерна, становятся неприменимыми. Политическая жизнь больше не сводится к борьбе партий. «Ленинская» модель, в которой партии старались прийти к власти, чтобы претворить в жизнь свою политическую программу, значительно устарела, поскольку возможности правительств в принятии решений сокращаются с каждым днем. Государства-нации теряют и свою роль центров, и свою законность. Роль центра – поскольку теперь они стали

слишком большими, чтобы отвечать на повседневные нужды людей, и в то же время слишком маленькими, чтобы противостоять планетарному размаху проблем и обязательств. Законность (легитимность) – поскольку институциональные опоры социальной интеграции, на которые они опирались раньше (школа, армия, профсоюзы, партии), один за другим вступили в кризис и больше не являются созидателями социального. Социальная связь устанавливается с этого момента обособленно от административной власти и государственных учреждений. Глобализация влечет за собой расторжение уз между знаком и смыслом, что выражается во всеобщей десимволизации политической жизни. Кризис политического представительства, рост неучастия во всеобщих выборах, расцвет популизма и новых социальных движений – являются другими характерными симптомами данной эволюции.

Мы являемся участникам одновременно конца Государств–наций в пользу сообществ и континентов, конца массовых организаций в пользу сетей, конца модели взрыв/революция в пользу модели взрыв, направленный внутрь/отделение, конца территориальных подходов в пользу подходов транснациональных, конца одинокого индивидуализма в пользу групповых межличностных отношений.

Глобализированный мир – это, прежде всего, мир сетей. Сети характеризуются в соответствии с их природой как «жидкие» или плавающие – все здесь связано с потоками (потоки денег, символов, образов, программ), их скоростью, соединениями – в силу их относительной непрозрачности и поскольку они не имеют ни центра, ни периферии, что означает, что каждая точка сети сама является и центром и периферией. Сети создают новый «расчлененный» («фрактальный») тип социальных отношений. Создавая моментальную связь между людьми, живущими на большом расстоянии друг от друга, в зависимости от их общности, их мнений и их интересов, они создают новые наднациональные (супранациональные) личности. Сегодня существуют сети всех видов: сети промышленные и финансовые, сети информационные и коммуникационные, сети криминальные и мафиозные, террористические сети и так далее. Формой их функционирования является, в основном, форма перемещения (делокализации, *délocalisation*). Крупные мультинациональные компании, крупные промышленные предприятия, картели наркобизнеса, группы неотеррористов и мафии действуют по одной и той же схеме: выбирают места, наиболее благоприятные для своей деятельности, и покидают их, чтобы обустроиться в другом месте каждый раз, как только они находят лучшие условия.

Способ распространения сетей подобен способу распространения вируса, но сетевой мир тоже является вирусным устройством. Электронный вирус, переданный хакерами, заражает одну за другой компьютерные сети, вирус за работой по распространению болезней, о которых сегодня больше всего говорят (СПИД, ящур, коровье бешенство), споры сибирской язвы как бактериологическое оружие, информация, которая запускает цепную дестабилизацию мировых финансовых рынков, пламенная проповедь которая пересекает мир по Интернету, представляют одну парадигматическую модель.

*

Глобализация, в которой мы сегодня участвует, это не то «мировое (универсальное) Государство», которое Эрнст Юнгер представлял себе как результат постепенного слияния «белой звезды» и «красной», иными словами, Востока и Запада. При мондиализации, Земля объединяется в форме рынка, то есть в рамках товарной логики и поиска постоянного увеличения прибылей. Такое формирование мирового рынка сопровождается изменением менталитетов. Принятие торговой модели закрепляет как в сознании, так и в поведении примат рыночных ценностей. Отныне доминирующей антропологической моделью становится утилитаризм: человек рассматривается как индивидуум, озабоченный, главным образом, производством и (в особенности) потреблением, как экономический агент, стремящийся постоянно максимизировать свои прибыли. Мы переходим, таким образом, от общества, обладающего рынком, к рыночному обществу. Ну и само собой разумеется, что развитие торговли не способствует исчезновению ни предубеждений, ни враждебности.

Глобализация вписывается, как я уже говорил, в изначальную тенденцию развития капитализма: по определению, рынок не имеет никаких других границ, кроме самого себя. Утверждение, согласно которому капитализм оказался более эффективным, нежели коммунизм в достижении «идеала интернационализма», только кажется парадоксальным. Мондиализация является продуктом модернизации, которая принимает форму планов структурной реорганизации, нацеленной на интеграцию всех сообществ мира в мировой рынок. Это модернизация, которая представляется сама как ответ на кризис современности родом из эпохи Просвещения. Но ответ, который она несет, заключается лишь в предоставлении рыночной экономике радикальной автономии, в монетизации капитала и, параллельно, в росте власти технонаук. Основной смысл заключается в том, что наука позволит все понять, техническая экспертиза – все решить, а рынок – все купить.

Но это не так. Карл Поляный предсказывал, что рынок разрушит общество. Во многом мы уже близки к этому. «Гибкая торговля», которая должна была, согласно Адаму Смиту, примирить человеческие отношения, насаждает войны даже внутри самой торговли. Диктат экономики, главенство личного перед общественным привели к распаду социальных связей. Мир всеобщего дерегулирования порождает нивелирование культур по нижнему уровню, все сводится к общему потребительскому знаменателю. «Непредубежденный взгляд, – отметил Юнгер 40 лет назад, – поражается постоянно растущим широким однообразием, постепенно охватывающим все страны – не только как монополии той или иной конкурирующей силы, а как глобального стиля жизни».(24). «Современный шок от мондиализации, – пишет сегодня Филип Энгельгардт, – есть следствие универсалистского либерализма, который, несмотря на видимость, на самом деле не выносит различий. Его необъявленная программа представляет собой идею унификации мира с помощью рынка и, следовательно, уничтожение одновременно и национальных государств и национальных культур. [...] Конец либерального общества не выносит ни культурных шлаков, ни принадлежности к конкретному сообществу. Либеральная программа-максимум направлена на искоренение различий, какой бы природы они ни были, поскольку они создают препятствия большому рынку и социальному миру. В действительности, дело в том, что не только слишком много культурных шлаков, а в самом социальном факте [...] Принцип западной современности основывается на всеобщей бескультурности (non-culture) любого рынка» (25).

Но мондиализация также не является всеобщностью(универсальностью). В некотором смысле, даже наоборот. Поскольку, единственная вещь, которую она универсализирует – это рынок, то есть, способ торговых обменов, относящийся к определенному моменту истории какой-либо конкретной культуры. Мондиализация в том виде, в каком она разворачивается сегодня перед нами, представляет собой не что иное, как новый империализм торгового Запада, довольный сам собою, империализм, замкнутый на тех, кому он подчиняется и кто приводит его в действие. Мондиализация – это имитация массы западных экономических типов поведения. Это обращение целой планеты в религию рынка, и в проповедях ее теологов и первосвященников высшей конечной целью объявляется рентабельность. Это - не универсализм бытия, а универсализм владения. Это абстрактный универсализм расколовшегося мира, где личность определяется лишь в соответствии с ее способностью производить и потреблять. Капитализм надеется тем самым преуспеть там, где коммунизм потерпел поражение, разумеется, за минусом социальной справедливости: создать планету без границ, населенную «новым человеком».

Но этот новый человек больше не трудящийся, ни гражданин, это «подключенный» потребитель, который разделяет всеобщую судьбу уплощенного человечества, подключаясь к интернету и идя в супермаркет.

Португальский писатель Мигаель Торга определил однажды универсальный мир как «помещение без стен». Он хотел тем самым сказать, что ценности универсализма могут быть реализованы лишь если изначально люди почувствуют себя укоренившимися в устойчивой территориальной реальности. Но мондиализация способствует обратному движению. «Люди чувствуют себя лишенными глобализацией корней, без всякой власти над ходом вещей и прилагают все для возведения стен, пусть даже если они непрочные и смехотворные».

В психологическом плане, люди сегодня также, как и государства, которые становятся бессильными, ощущают себя лишенными самих себя огромной мощностью процессов, их все более и более увеличивающейся скоростью, все более и более тяжелыми обязательствами, переменами, столь многочисленными, что люди становятся не способны дать оценку смысла происходящего. То, что это происходит именно тогда, когда человек становится все более и более одиноким, лишенным самого себя, в момент, когда все великие представления о мире рухнули, только усиливает ощущение общей пустоты. «Мондиализация, – вновь совершенно справедливо говорит Заки Лаиди (Zaki Laïdi), – странным образом воспроизводит описанный Фрейдом механизм распространения – заражения паники в толпе. Заражение, в смысле распространения при мондиализации одинаковости и обезличивания. Паника, поскольку каждый чувствует себя один на один с процессами, которые превосходят его понимание» (28). Мондиализация в чем-то напоминает пазл разрозненного изображения. Она не соотносится ни с каким мировоззрением, она не поддается никакому описанию, при этом власти, которые провозглашают ее необратимой, сами ничего не могут ей противопоставить. «Суть проблемы мондиализации является результатом взаимодействия между миром без границ и миром без основ [...] . Именно эта диалектика между миром без границ и миром без основ объясняет кризис смысла, и усиливает наше ощущение жизни в мире, в котором больше нет никакого порядка» (29).

Разумеется, чем большее мировое пространство завоевывает глобализация, тем больше углубляется ее основное противоречие. Поскольку мондиализация, не без оснований, появилась как одностороннее навязывание западного образа жизни, она испытывает сильные «идентичностные» сопротивления. Чем более мондиализация утверждает унификацию, тем более она укрепляет разделение; чем более она утверждает глобальное, тем более она укрепляет локальное. Во всех концах планеты сообщества, наиболее подверженные угрозе мондиализации, стремятся подчеркнуть свою особенность, вновь обрести свою индивидуальность. Но здесь они сталкиваются с наибольшими трудностями. Некоторые из них придумывают себе самые невероятные идентичности. Другие всеми силами стараются воссоздать искусственное внутреннее в мире, где все становится внешним.

Многие, питаемые всякого рода обманом, обращаются к конвульсивным формам действия, которые бесповоротно ведут к ирредентизму и ксенофобии. Так, мы являемся свидетелями такого противостояния, которое Бенджамир Р. Барбер (Benjamin R. Barber) резюмировал во фразе: «Джихад против McWorld» (30). С одной стороны - планета на пути униформизации, постепенно приводимая к однообразию глобальной торговлей и коммуникацией. С другой, сгруппированные под удобной этикеткой «Джихад», целый набор идентических напряженностей, этнических самоутверждений, религиозной враждебности, которые почти повсюду порождают гражданские войны и межплеменные конфликты. Мондиализация, можно сказать, в одном и том же движении разрушает и возрождает коллективную идентичность. Но те, что появляются уже не те, что были. Мондиализация ведет к исчезновению органичных, устойчивых идентичностей и воспроизводит их в форме чистого противодействия.

Такая горячность конвульсивного национального самоутверждения (*identitarisme*) конечно может быть понята, поскольку, она является, в итоге, лишь следствием трансформации целой планеты в сообщество, в котором больше нет внешнего: чрезмерность открытости влечет за собой чрезмерность закрытости. Возвращение трибализма, родственничества, клановости или крайнего этнизма может также быть интерпретировано как отчаянная попытка противостоять угрозе лишения самобытности (идентичности). Притом, мы не сможем оправдать таких реакций, которые из-за своей слишком частой крайности, дискредитируют сами себя. Было бы гораздо правильнее их рассматривать, как это делает Барбер, идущими в паре с мондиализацией. С одной стороны, обе эти тенденции, кажущиеся антагонистическими, обоюдно оправдывают себя, основываясь на крайностях другой стороны, чтобы навязать крайности противоположного направления: повсеместное усиление неравенства, являющееся результатом

экономического давления, толкает наиболее бедных к экстремизму, тогда как в результате этно-религиозных войн бушующая волна МакВорда с еще большей силой овладевает умами. С другой стороны, они являются, во многих отношениях, лишь двумя разными формами, «soft» и «hard», одного и того же негативного процесса, поскольку они объединяются, чтобы погасить любые формы демократии и активного участия граждан в общественной жизни.

Таким образом, крайности сходятся. С 1920 г. известный русский лингвист Николай Трубецкой, кстати, отмечал парадоксальное родство космополитизма и шовинизма. «Достаточно пристально взглянуть на шовинизм и космополитизм, чтобы понять, что нет никакой радикальной разницы между ними, что это всего лишь две степени, два аспекта одного и того же явления» (32). «Космополитизм, – добавляет он, – отвергает национальные различия, лишь исходя из идеи о человеческой природе, отсылая к некоей специфической модели. Он призывает цивилизованный мир создать единое образование только лишь путем универсализации модели отдельной культуры, в данном случае, западной культуры, которая негласно считается «всего-навсего» наиболее развитой “стадией”». «Существует, таким образом, – заключал он, – полный параллелизм между шовинистами и космополитами [...] Разница заключается лишь в том, что шовинист рассматривает более узкую этническую группу, нежели космополит» (33). Но оба признают лишь один критерий оценки: «То, что похоже на нас, является лучше и лучшим того, что отличается от нас» (33).

*

Сказанное выше позволяет понять, насколько бессмысленно пытаться определить «дирижера» мондиализации. В соответствии с тем, что мондиализация заключается, в основном, в умножении сетей, она не имеет ни центра, ни оператора или центрального пункта управления. Америка, которая на сегодня определяет ее главный вектор будучи главной мировой державой, является лишь одним из ее подчиненных элементов. Точно так же, как финансы или техника, мондиализация функционирует в соответствии со своей собственной логикой: по горизонтальной модели, а не по вертикальной, «кибернетической» («cybernétique»), ни запускаемой, ни управляемой на расстоянии. Причина развития глобализации заключается в ее собственном существовании.

Является ли процесс глобализации необратимым? На долгосрочную перспективу дать определенный ответ невозможно: история, по определению, всегда открыта. Но на сегодня

и, что очень вероятно, на ближайшие десятилетия, именно глобализация определяет рамки нашей истории.

В этом направлении нужно не допустить ряда ошибок. Одной из них было бы верить, что все еще есть возможность избежать воздействия глобализации, замыкаясь на себе и призывая к защите самобытности (*identités*) в ее чисто этноцентрическом смысле. «Логика бункера» сегодня уже не жизнenna, именно потому, что мы живем в мире, где все взаимообразно отражается на всем. Не принимать во внимание то, что происходит вокруг, полагая, что нас это не касается, мешает увидеть именно то, что нас касается. Второй ошибкой было бы занять позицию арьергарда, ограничиваясь стремлением замедлить уже запущенные процессы. Это битва, проигранная заранее. Причитать по поводу сложившейся ситуации, сожалея о прошлом, ни к чему не приведет. Борьбу можно вести, лишь зная конфигурацию поля битвы на сегодня – и каковой она будет завтра – не предаваясь ни мечтам о том, что бы могло бы быть, и не воспоминаниям о том, как это было когда-то. Речь идет о том, чтобы не ошибиться эпохой, то есть, необходимо осознавать содержание исторического момента, в котором мы живем. Речь идет о том, чтобы увидеть то, что происходит для того, чтобы решить, что можно сделать.

Здесь стоит сделать еще два важных замечания. Первое – то, что глобальный характер мондиализации, который неоспоримо является ее силой, является также, определенным образом, ее слабостью. В глобализованном мире все отражается на всем моментально. Ничего не может остановить распространения ударной волны, как мы это видели на примере великих финансовых кризисов, которые, разразившись в какой-то точке земли, немедленно отзываются последствиями в целом мире. Это и есть один из значительных источников ее уязвимости. Вторая ремарка состоит в том, что расширение сетей, которое является одной из наиболее характерных черт мондиализации, представляет собой также одно из средств борьбы с ее последствиями. Сети, на самом деле, позволяют диссидентам (инакомыслящим) со всей планеты объединяться и координировать свои действия. Примечательно, что антиглобалистские движения сами являются движениями глобальными, как мы это могли видеть в Сиэтле, Генуе, Порто Алегре и других местах.

Совершенно ясно при этом, что неконтролируемый рост финансового капитализма – не единственный результат кризиса, в котором мир пребывает сегодня, и что должны быть введены регуляторы, которые позволили бы на всех уровнях противодействовать мондиализации во всех ее сегодняшних формах. Вполне возможно, во-первых, попытаться регламентировать финансовые рынки на международном уровне. Можно также было бы

представить, что международные организации стали бы управлять мировой экономикой иначе, чем в настоящее время, и что они поставили бы себе задачу обеспечить перераспределение существенной доли прибылей от мондиализации в пользу наиболее пострадавших от нее жертв.

Однако, если согласиться с тем, что «процесс мондиализации выступает в роли реванша экономики по отношению к политике и социальной сфере» (35), то становится также очевидным, что их ответный ход мондиализации не может быть исключительно экономическим. Тогда встает вопрос о том, как преодолеть огромный разрыв, который существует сегодня между взрывным ростом мировой экономики и отсутствием какой бы то ни было формы политической и социальной организации, способной эффективно влиять на этот процесс.

Если принять за принцип, что политика должна контролировать и регулировать экономику, мы могли бы вывести из этого, что с того момента, когда мы находимся в условиях планетарной экономики, то на мировом уровне должно осуществляться и ее политическое регулирование. Иными словами, при мондиализации экономики, не должна ли политика также следовать этому? Но мы прекрасно знаем, что мировое государство – это не что иное, как химера, и что его установление, даже в своих наименее туманных формах, создаст больше проблем, чем найдет решений. С обратной стороны, противопоставление Государства – нации мондиализации, было бы очередной ошибкой. Во-первых, потому, что мондиализация охватывает всю планету только лишь процессом унификации, что было в значительной степени реализовано в прошлом государственными бюрократиями на национальном уровне. Затем и, в особенности, потому, что Государства – нации являются сегодня уровнем принятия и реализации решений, наиболее парализованным мондиализацией. Стоящее перед внешними требованиями, в корне превосходящими его возможности, Государство – нация просто-напросто не в состоянии противостоять один на один проблемам глобализации. Утверждать, что Государство – нация все еще может самостоятельно принимать решения об открытии или закрытии границ для финансовых потоков, это значит утверждать, что возможно восстановить общество солидарности, защищенное стеной, которая оградит его обитателей от внешнего мира, что является лишь утопией и обманом.

Политическая Европа и, более широко, регионализация ряда крупных континентальных объединений могли бы стать средством противостояния мондиализации. Европейская политическая власть, позволяющая управлять и координировать денежной и бюджетной политиками, упростили бы отказ от политики роста, основанного на внешних ресурсах

(экстравертированного), в пользу роста, основанного на внутренних ресурсах, без отказа от социальной защиты. Параллельно, единая европейская валюта (евро) могла бы быть эффективно использована для изменения преимущественного положения доллара, становясь тем самым элементом восстановленных силы и независимости. На самом деле только в таком масштабе можно надеяться вновь найти возможности для осуществления контроля, которые изолированные государства, со всей очевидностью, потеряли. Но также нужно было бы двигаться к истинно суверенной Европе, когда каждый этап интеграции национальных рынков сопровождался бы все более высокой возможностью утверждения и принятия решений, а не к торгующей Европе, представляющей собой лишь пространство свободной торговли, или к бюрократической и центристской Европе, основанной на лишении местных автономий. Мы знаем, что сегодня это вовсе не так. Европейские организации, каковыми они являются на сегодня, могут также быть полюсом сопротивления мондиализации, вместо того, что стать ее вектором. Все, что можно констатировать сегодня, это то, что в настоящий момент акты, принятые Сообществом, которые обязательны для Стран – членов, не способствуют подлинной европейской суверенности. Что касается необходимости союза Европы и России, чего я лично желаю, она сталкивается с тем, что в настоящее время руководство западной Европы занято в большей степени укреплением ее «трансатлантических» связей, чем созданием основ активного сотрудничества в масштабе огромного евразийского континента.

Филипп Энгельгард пишет по данному вопросу следующее: «реабилитация политики происходит в тот или иной момент путем восстановления общественного и культурного, и наоборот. При условии, что культура понимается не как статическая данность, а как творческое напряжение, как носитель смысла и развитие искусства совместного сосуществования» (38). Социолог Жан Бодрийяр, заметил со своей стороны, что всякая культура, достойная таковой называться, в универсальности теряется. Каждая культура, которая становится универсальной, теряет свою самобытность и умирает. Это касается и тех, которые мы разрушили, ассимилируя их насильно, как это касается и нашей в ее притязании на всеобщность (универсальность)» И он добавил: «Все, что сегодня привлекает внимание, представляет собой явление, становится против всеобщего (универсального), против этой абстрактной всеобщности (универсальности)».

Одной глобальной силе было бы совершенно бесполезно противопоставлять другую глобальную силу. В эпоху постмодерна отношения с позиции силы изменили свою природу. Еще 50 лет назад цель державы заключалась в стремлении к завладению средствами, такими

же – и если это возможно, то еще большими – чем у соперничающей державы («ядерный паритет» в эпоху холодной войны). Сегодня конфликты характеризуются скорее асимметричностью противостоящих сил, что мы видели во всей своей наглядности, например, с терактами 11 сентября 2001 года. Закат национальных государств высвобождает энергии у их базового уровня. Он благоприятствует возможностям для действий на местном уровне, и тем самым - появлению вновь политического значения у социального. Введение на всех уровнях принципа субсидирования, суть которого в том, чтобы позволять подниматься на уровень выше только тем, для кого на низших уровнях не существует соответствующих функций, было бы одним из лучших средств для излечения против той глобализации, каковой она является на сегодня.

Спасибо за внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cf. notamment Robert Reich, *L'économie mondialisée*, Dunod, Paris 1993 ; François Chesnais, *La mondialisation du capital*, Syros, Paris 1994 ; Jacques Adda, *La mondialisation de l'économie*, 2 vol., Découverte, Paris 1996 ; Samir Amin, *Les défis de la mondialisation*, L'Harmattan, Paris 1996 ; Anton Brender, *L'impératif de solidarité. La France face à la mondialisation*, Découverte, Paris 1996 ; Jean-Yves Carfantan, *L'épreuve de la mondialisation. Pour une ambition européenne*, Seuil, Paris 1996 ; François Chesnais (éd.), *La mondialisation financière. Genèse, coût et enjeux*, Syros, Paris 1996 ; Elie Cohen, *La tentation hexagonale. La souveraineté à l'épreuve de la mondialisation*, Fayard, Paris 1996 ; Philippe Engelhard, *L'homme mondial. Les sociétés humaines peuvent-elles survivre ?*, Arléa, Paris 1996 ; James Petras et Henry Veltmeyer, *La face cachée de la mondialisation. L'impérialisme au XXIe siècle*, Paragon, Paris 2001 ; Alain Caillé (éd.), *Quelle « autre mondialisation » ?*, n° spécial de la *Revue du MAUSS*, 2e sem. 2002 ; Jean Tardif et Joëlle Farchy, *Les enjeux de la mondialisation culturelle*, Hors Commerce, Paris 2006 ; Benjamin Guillemaind (éd.), *La mondialisation est-elle une fatalité ?*, Via Romana, Versailles 2006 ; Adelino Braz, *Penser la mondialisation*, Ellipses, Paris 2009 ; Hervé Juvin et Gilles Lipovetsky, *L'Occident mondialisé. Controverse sur la culture planétaire*, Grasset, Paris 2010 ; Benoît Mafféi et Jack Forget, *L'Europe survivra-t-elle à la mondialisation ?*, Economica, Paris 2011 ; Jacques Sapir, *La démondialisation*, Seuil, Paris 2011.

2. *Principes d'une critique de l'économie politique.*

3. Op. cit., p. 543.

4. « La suite des événements, disait Marcel Mauss en 1920, va dans le sens d'une multiplication croissante des emprunts, des échanges, des identifications jusque dans le détail de la vie morale et matérielle » (« La nation », in *Œuvres. 3 : Cohésion sociale et divisions de la sociologie*, Minuit, Paris 1969, p. 625).

5. Op. cit., vol. 1.

6. Cf. Bertrand Badie, *La fin des territoires*, Fayard, Paris 1996.

7. Cf. Charles-Albert Michalet, *Le capitalisme mondial*, PUF, Paris 1985.

8. « La libéralisation des transferts internationaux de capitaux, écrit Samir Amin, l'adoption de changes flottants, les taux d'intérêt élevés, le déficit de la balance des paiements américaine, la dette extérieure du Tiers-monde, les privatisations, constituent ensemble une politique parfaitement rationnelle qui offre à ces capitaux flottants le débouché d'une fuite en avant dans le placement financier spéculatif, écartant par là même le danger majeur, celui d'une dévalorisation massive de l'excédent de ces capitaux » (« Les vrais enjeux de la mondialisation », in *Politis-La Revue*, octobre-décembre 1996, p. 70).

9. Philippe Engelhard remarque à ce propos que ce sont « les peuples dont le système culturel a été le moins brutalisé par la modernité occidentale ou qui, du moins, s'y sont ouverts

avec prudence, [qui] semblent connaître les meilleures performances économiques. C'est le cas du Japon, mais aussi de certains peuples d'Asie du Sud-Est et de la Chine » (op. cit., p. 23).

10. Suzanne Berger, « Le rôle des Etats dans la globalisation », in *Sciences humaines*, septembre-octobre 1996, p. 55.

11. « Mondialisation et démocratie : un point de vue nord-américain », in *M*, mars-avril 1996, p. 16.

12. « Internet et tchador, même combat », in *La Vie*, 14 novembre 1996, p. 58. Cf. Benjamin R. Barber, *Djihad versus McWorld*, Desclée de Brouwer, Paris 1996.

13. Marcel Mauss notait déjà : « L'internationalisme digne de ce nom est le contraire du cosmopolitisme. Il ne nie pas la nation. Il la situe. Inter-nation, c'est le contraire d'a-nation » (« La nation et l'internationalisme », texte de 1920, in *Œuvres*, vol. 3, op. cit., p. 630).

14. *La grande transformation*, Gallimard, Paris 1983.

15. Bertrand Badie, « Mondialisation et société ouverte », in *Après-demain*, avril-mai 1996, p. 9.

16. Pierre-Noël Giraud, *L'inégalité du monde. Economie du monde contemporain*, Gallimard-Folio, Paris 1996.

17. Ian Robinson, art. cit., p. 19.

18. « Seconde jeunesse pour les comptoirs coloniaux », in *Le Monde diplomatique*, avril 1996.

19. Op. cit., vol. 1, p. 94.

20. Ricardo Petrella, in *Le Monde diplomatique*, mai 1995. Sur la façon dont la mondialisation réduit les pouvoirs des Etats nationaux, cf. aussi Kenishi Ohmae, *The Borderless World*, Harper Collins, New York 1990; Vincent Cable, « The Diminished Nation-State », in *Daedalus*, printemps 1995 ; Kenishi Ohmae (ed.), *The Evolving Global Economy. Making Sense of the New World Order*, Harvard University Press, Cambridge 1995.

21. « Mondialisation et société ouverte », art. cit., p. 9.

22. *L'Etat universel*, Gallimard, paris 1962. Jünger évoquait une évolution qui « donne à penser que la différence de l'étoile rouge et de l'étoile blanche n'est que le papillotement dont s'accompagne le lever d'un astre à l'horizon. Qu'il monte dans le ciel, et l'unité se dévoile » (p. 35).

23. Cf. Gustave Massiah, « Quelles réponses à la mondialisation ? », in *Après-demain*, avril-mai 1996, p. 6.

24. Op. cit., p. 34.

25. Op. cit., pp. 199, 250 et 256. Engelhard ajoute : « Mais comme les différences sont inéluctables, celles des richesses, des talents ou de n'importe quoi, il faudra que les individus deviennent absolument indifférents [...] Cette indifférence, qui peut paraître à quelques égards insupportable, est latente dans le paradigme néoclassique qui postule la séparabilité absolue des fonctions de préférence des agents [...] Cette indifférence, qui culmine dans la séparabilité absolue des fonctions de préférence des agents, est étroitement solidaire de la négation du fait culturel. En effet, toute appartenance culturelle ou communautaire serait de nature à établir une connivence entre les préférences des individus du groupe. Le principe de séparabilité serait remis en cause » (ibid., pp. 251 et 256).

26. Cf. à ce sujet Philippe Lançon, « L'économie, comme théologie de la contrition », in *Libération*, 3 juin 1996, p. 5.

27. Zaki Laïdi, « Qu'est-ce que la mondialisation ? », in *Libération*, 1er juillet 1996, p. 6. Du même auteur, cf. aussi *Un monde privé de sens*, Fayard, Paris 1996 ; « Pour une pédagogie de la mondialisation », in *Après-demain*, avril-mai 1996.

28. Ibid.

29. « Pour une pédagogie de la mondialisation », art. cit., p. 4.

30. *Dijhad versus McWorld*, op. cit.

31. Ce sont ces réactions convulsives qui ont donné naissance à la thèse de Samuel Huntington, selon laquelle le monde se dirigerait vers une guerre des cultures ou des civilisations (« The Clash of Civilizations? », in *Foreign Affairs*, été 1993 ; *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, Simon & Schuster, New York 1996). Thèse qu'il faut prendre avec

précaution, tant en raison du découpage qu'elle propose (l'Europe s'y trouve coupée en deux entre une partie rattachée à l'ensemble « atlantique » et une partie orientale, l'« islam » est abusivement considéré comme un ensemble unitaire homogène) que parce que l'auteur n'indique pas comment les cultures pourraient véritablement se transformer en acteurs des relations internationales. Panajotis Kondylis note de son côté que c'est moins la culture qui détermine la spécificité des conflits que « la spécificité des conflits qui conditionne le rôle du facteur culturel et la perception culturelle qu'en ont les acteurs eux-mêmes » (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, cité in *Courrier international*, 10 octobre 1996, p. 42).

32. *L'Europe et l'humanité*, Mardaga, Liège-Siprimont 1996, p. 47.

33. Ibid., p. 49.

34. Ibid., p. 65.

35. Jacques Adda, op. cit., vol. 1, p. 62.

36. Cf. Danilo Zolo, *Cosmopolis. La prospettiva del governo mondiale*, Feltrinelli, Milano 1995.

37. Cf. Arlette Heymann-Doat, « Les institutions européennes : pôle de résistance ou facteur d'accélération ? », in *Après-demain*, avril-mai 1996, pp. 44-45.

38. Op. cit., p. 365.

39. « Le mondial et l'universel », in *Libération*, 18 mars 1996, p. 7.

Является ли процесс мондиализации необратимым? На длительную перспективу невозможно дать ответа: по определению, история всегда открыта. Но в настоящий момент – и вполне вероятно на грядущие десятилетия – совершенно очевидно, мондиализация задает рамки настоящей истории.

Благодарю вас за внимание.

